

МАССОВЫЕ УБИЙСТВА С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

А.В. Голенков, П.Б. Зотов, В.А. Козлов, А.В. Филоненко

ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова», г. Чебоксары, Россия
ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» МЗ РФ, г. Тюмень, Россия
БУ «Республиканская детская клиническая больница», г. Чебоксары, Россия

MASS MURDERS WITH GUN WEAPONS IN MODERN RUSSIA

*A.V. Golenkov, P.B. Zotov, V.A. Kozlov,
A.V. Filonenko*

*I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia
Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia
Republican Children's Clinical Hospital, Cheboksary, Russia*

Сведения об авторах:

Голенков Андрей Васильевич – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 7936-1466; ResearcherID: C-4806-2019; ORCID iD: 0000-0002-3799-0736; Scopus Author ID: 36096702300). Место работы и должность: заведующий кафедрой психиатрии, медицинской психологии и неврологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, г. Чебоксары, ул. Пирогова, 6. Телефон: +7 (905) 197-35-25, электронный адрес: golenkovav@inbox.ru

Зотов Павел Борисович – доктор медицинских наук, профессор (SPIN-код: 5702-4899; Researcher ID: U-2807-2017; ORCID iD: 0000-0002-1826-486X). Место работы и должность: директор Института клинической медицины ФГБОУ ВО «Тюменский государственный медицинский университет» Минздрава России. Адрес: Россия, 625023, г. Тюмень, ул. Одесская, 54; руководитель НОП «Сибирская Школа превентивной суицидологии и девиантологии». Адрес: Россия, 625027, г. Тюмень, ул. Минская, 67, к. 1, оф. 102. Телефон: +7 (3452) 20-16-70, электронный адрес (корпоративный): note72@yandex.ru

Козлов Вадим Авенирович – доктор биологических наук, кандидат медицинских наук, доцент (SPIN-код: 1915-5416; ResearcherID: I-5709-2014; ORCID iD 0000-0001-7488-1240; Scopus Author ID: 56712299500). Место работы и должность: профессор кафедры медицинской биологии с курсом микробиологии и вирусологии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, 45. Телефон: +7 (903) 379-56-44, электронный адрес: pooh12@yandex.ru

Филоненко Александр Валентинович – кандидат медицинских наук, доцент (SPIN-код: 8545-8680; ORCID ID: 0000-0001-7236-5410). Место работы и должность: доцент кафедры педиатрии и детской хирургии ФГБОУ ВО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». Адрес: Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, 45; БУ «Республиканская детская клиническая больница». Адрес: Россия, г. Чебоксары, Московский проспект, 15. Телефон: +7 (905) 197-63-81, электронный адрес: filonenko56@mail.ru

Information about the authors:

Golenkov Andrei Vasilievich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 7936-1466; ResearcherID: C-4806-2019; ORCID iD: 0000-0002-3799-0736; Scopus Author ID: 36096702300). Place of work and position: head of the department of psychiatrics, medical psychology and neurology, I.N. Uliyanov Chuvash State University. Address: 6 Pirogov Str, Cheboksary, Russia. Phone: +7 (905) 197-35-25, email: golenkovav@inbox.ru

Zotov Pavel Borisovich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 5702-4899; Researcher ID: U-2807-2017; ORCID iD: 0000-0002-1826-486X). Place of work: Director of the Institute of Clinical Medicine, Tyumen State Medical University. Address: 54 Odesskaya str., Tyumen, 625023, Russia; Head of the Siberian School of Preventive Suicidology and Deviantology. Address: 67 Minskaya str., bild. 1, office 102, Tyumen, 625027, Russia. Phone: +7 (3452) 270-510, email: note72@yandex.ru

Kozlov Vadim Avenirovich – MD, PhD, Professor (SPIN-code: 1915-5416; ResearcherID: I-5709-2014; ORCID iD: 0000-0001-7488-1240; Scopus Author ID: 56712299500). Place of work and position: professor of the department of medical biology with a course in microbiology and virology, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov". Address: 45 Moskovsky prospect, Cheboksary. Phone: +7 (903) 379-56-44, email: pooh12@yandex.ru

Filonenko Aleksandr Valentinovich – MD, PhD (SPIN-code: 8545-8680; ORCID ID: 0000-0001-7236-5410). Place of work and position: assistant professor of the department of pediatrics and pediatric surgery, I.N. Uliyanov Chuvash State University. Address: 45 Moskovsky prospect, Cheboksary Republican Children's Clinical Hospital. Address: 15 Moskovsky prospect, Cheboksary. Phone: +7 (905) 197-63-81, email: filonenko56@mail.ru

К массовым (с тремя и более жертвами) убийствам (МУ) в последние 30 лет наблюдается повышенный интерес у самого широкого круга специалистов во многих странах мира. *Цель* – изучение МУ в Россий-

ской Федерации (РФ) с использованием огнестрельного оружия и сопоставление различных видов МУ, в том числе орудий МУ между собой. *Материалы и методы.* Анализировались 129 МУ (мужчин – 142, женщин – 1), совершённых с использованием огнестрельного оружия в РФ в 1991-2022 гг. Возраст убийц колебался от 16 до 70 года (средний – 34,3±15,1 года). Большинство случаев «массовой стрельбы» взято с https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_mass_shootings_in_Russia, а также из электронных средств массовой информации (СМИ) 59 регионов РФ. Сравнительные группы включали 288 случаев МУ, 177 – совершённых с помощью колюще-режущих предметов (КРП), 36 – поджогов и 75 прочих орудий, включая их сочетание. В последнюю группу включено также 11 случаев использования огнестрельного оружия в сочетании с КРП (6), тупым оружием (2) и поджогом (3). Математико-статистическая обработка осуществлялась с помощью описательной статистики и χ^2 -распределения. *Результаты.* За изучаемый период времени электронные СМИ стали значительно чаще освещать инциденты со множественными жертвами. Примерно каждый четвёртый (24,8%) случай из 129 МУ произошел в силовых структурах (вооружённые силы, правоохранительные органы, служба исполнения наказаний) с помощью автомата Калашникова во время несения боевого дежурства или караульной службы. В большинстве случаев убийства совершались гражданским огнестрельным оружием (чаще всего охотничьи ружья), в единичных случаях – незарегистрированным огнестрельным гражданским, служебным, боевым ручным стрелковым оружием; семь случаев произошли в группе из 2-4 человек. Жертвами оказались 593 человека (в среднем – 4,59±3,6 жертвы), преобладали случаи с тремя погибшими (53,2%). В предложенной нами *рабочей типологии МУ* выделены: *корпоративные* (в силовых структурах; в учебных, образовательных и воспитательных учреждениях; в прочих организациях) МУ, *некорпоративные* (знакомые, друзья, соседи и др.; незнакомые люди; знакомые и незнакомые) МУ, *семейные* (родные и близкие (члены семьи), кровные и некровные родственники) МУ и *смешанные* (жертвы из двух или трёх выше перечисленных групп) МУ. Корпоративные МУ отличались использованием огнестрельного оружия, чаще всего совершённые в силовых ведомствах и учебных (воспитательных) заведениях. Больше всего жертв (6,0±3,7) было в корпоративных МУ, особенно случившихся в академической среде (13,3±5,9 жертвы). Некорпоративные МУ чаще совершались КРП и прочими орудиями. Среди агрессоров, использующих огнестрельное оружие, было больше лиц в возрасте 19 лет и младше (20,3% vs 5,9% в сравнительной группе), они реже употребляли алкоголь (22,0% vs 56,3%), но чаще совершали самоубийства после МУ (31,4% vs 7,3%). *Заключение.* Случаи МУ с использованием огнестрельного оружия в РФ чаще наблюдались в силовых (военизированных) и учебных (воспитательных) корпорациях с самым большим числом жертв (от 3 до 18, в среднем – 6). Они реже, чем другие агрессоры находились в состоянии опьянения, но чаще совершали самоубийства после МУ. СМИ стали значительно чаще с 1991 по 2022 гг. освещать инциденты со множественными жертвами, что может свидетельствовать о росте числа МУ в России.

Ключевые слова: массовые убийства, типология массовых убийств (расстрелов), огнестрельное оружие, колюще-режущие предметы, поджог, самоубийства после массового убийств, Россия

Массовые убийства (МУ), особенно с применением огнестрельного оружия, вызывают в последние годы повышенный интерес как в средствах массовой информации (СМИ), так и у самого широкого круга специалистов во многих странах мира [1-6]. Это связано с определённым ростом таких инцидентов и шокирующим влиянием на общество [7-9].

Подавляющее большинство МУ случается в США в сравнении с развитыми и развивающимися странами [2], что в первую очередь связано с доступностью огнестрельного оружия, его распространённостью среди населения этого региона мира [1, 8]. Проведённые исследования затрагивают самые разнообразные аспекты МУ. До настоящего времени продолжается дискуссия о критериях МУ, в которой обсуждается число от трёх до пяти погибших в течение короткого промежутка времени (как правило, 24 часов)

Mass murders (MM), especially with the use of firearms, have attracted increased interest in recent years both in the media and among a wide range of specialists in many countries around the world [1-6]. This is due to a certain increase in such incidents and a shocking impact on society [7-9].

The vast majority of MM occurs in the United States in comparison with developed and developing countries [2], which is primarily due to the availability of firearms and their prevalence among the population of this region of the world [1, 8]. The conducted studies cover a wide variety of aspects of MM. There is still an ongoing debate about the criteria for MM, which discusses the number of three to five deaths within a short period of time (usual-

после совершённого акта агрессии одним человеком или группой преступников. Допустимо, чтобы инцидент происходил в нескольких местах, но в пределах одних суток [3, 9, 10]. Также важно, чтобы это были убийства, совершённые по личным мотивам и не происходящие в контексте войны, терроризма, деятельности банд или организованной преступности [11].

Анализ показывает, что убийства с одной, двумя-тремя и большим числом жертв могут достоверно отличаться между собой, как и МУ, совершённые подростками (молодыми людьми в возрасте до 21 года) от взрослых групп населения, психически больными с различной выраженностью психической патологии [8, 10, 12]. Имеется своя специфика МУ, совершённых в группе или одним агрессором [13], с помощью огнестрельного или другого оружия [4, 14], в академической среде [5], семье, криминальных кругах или публичных местах [11]. Выявляются свои закономерности с учётом особенностей жертв и агрессоров, в частности, кто остался жив после МУ и сдался полиции, а кто был убит или совершил самоубийство [7, 15].

В России проведено сравнительно мало исследований, которые затрагивают в основном «школьные стрельбы» и журналистские расследования инцидентов, произошедших в силовых структурах [16]. Теоретические обоснования, краткий анализ множественных убийц и криминологические аспекты освещаются в одной отечественной монографии [17]. В предыдущих своих работах мы описали анализ самоубийств агрессоров после МУ [18], а также 303 МУ в Российской Федерации [19], но акцент именно на огнестрельное оружие и сопоставление МУ между собой не проводили.

Материалы и методы

Анализировались 129 МУ (мужчин – 142, женщин – 1), совершённых с использованием огнестрельного оружия в Российской Федерации в 1991-2022 гг. Возраст убийц колебался от 16 до 70 года (средний возраст – $34,3 \pm 15,1$ года). Большинство случаев «массовой стрельбы» взято с https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_mass_shootings_in_Russia, а также из электронных СМИ 59 регионов РФ. Сравнительные группы включали 288 случаев МУ, 177 – совершённых с помощью колюще-режущих предметов (КРП), 36 – поджогов и 75 прочих орудий, включая их сочетание. В последнюю группу включено также 11 случаев использования огнестрельного оружия в сочетании с КРП (6), тупым оружием (2) и поджогом (3).

ly 24 hours) after an act of aggression by one person or group of criminals. It is acceptable for an incident to occur in several places, but within one day [3, 9, 10]. It is also important that these are homicides committed for personal reasons and not occurring in the context of war, terrorism, gang activity or organized crime [11].

The analysis shows that murders with one, two, three or more victims can significantly differ from each other, as well as murders committed by adolescents (young people under the age of 21) from adult groups of the population, mentally ill people with varying severity of mental pathology [8, 10, 12]. There are certain specifics of violent crimes committed in a group or by one aggressor [13], with the help of firearms or other weapons [4, 14], in an academic environment [5], family, criminal circles or public places [11]. Their patterns are revealed when taking into account the characteristics of victims and aggressors, in particular who remained alive after MM and surrendered to the police, and who was killed or committed suicide [7, 15].

Relatively few studies have been conducted in Russia, which mainly concern “school shootings” and journalistic investigations of incidents that occurred in law enforcement agencies [16]. Theoretical justifications, a brief analysis of multiple murderers and criminological aspects are covered in one domestic monograph [17]. In our previous works, we described the analysis of suicides of aggressors after MM [18], as well as 303 MM in the Russian Federation [19], but we did not focus specifically on firearms and compare MM with each other.

Materials and methods

We analyzed 129 crimes (men – 142, women – 1) committed with the use of firearms in the Russian Federation in 1991-2022. The age of the killers ranged from 16 to 70 (mean age – 34.3 ± 15.1). Most of the cases of “mass shooting” were taken from https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_mass_shootings_in_Russia, as well as from electronic media of 59 regions of the Russian Federation. The comparison groups included 288 cases of MM, 177 cases committed with piercing objects (PO), 36 cases of arson, and 75 other instruments, including a combination of these. The latter

Математико-статистическая обработка осуществлялась с помощью описательной статистики (расчёт среднего значения – M, стандартного отклонения – SD) и χ^2 -распределения. Когда один или несколько показателей были ≤ 5 , использовали поправку Йейтса.

Результаты

Всего с 1991 по 2022 гг. нам удалось найти информацию о 129 МУ с использованием огнестрельного оружия (табл. 1); семь случаев произошли в группе из 2-4 человек. Примерно каждый четвёртый (24,8%) такой инцидент произошёл в силовых структурах (вооружённые силы, правоохранительные органы, служба исполнения наказаний) с помощью автомата Калашникова во время несения боевого дежурства или караульной службы. В большинстве случаев убийства совершались гражданским огнестрельным оружием (чаще всего охотничье ружьё), в единичных случаях – незарегистрированным огнестрельным гражданским, служебным, боевым ручным стрелковым оружием.

Жертвами оказались 593 человека (в среднем – 4,59 жертвы), преобладали случаи с тремя погибшими (53,2%). За изучаемый период времени электронные СМИ стали значительно чаще освещать инциденты со множественными жертвами ($\chi^2=22,722$; $df=4$; $p<0,001$).

group also included 11 cases of the use of firearms in combination with PO (6), blunt weapons (2) and arson (3).

Mathematical and statistical processing was carried out using descriptive statistics (calculation of the mean value – M, standard deviation – SD) and χ^2 -distribution. When one or more indicators were ≤ 5 , the Yates correction was used.

Results

Total from 1991 to 2022 we were able to find information on 129 MMs involving firearms (Table 1); seven cases occurred in groups of 2–4 people. Approximately every fourth (24.8%) such incident occurred in security forces (armed forces, law enforcement agencies, penitentiary service) using a Kalashnikov assault rifle while on combat duty or guard duty. In most cases, murders were committed with civilian firearms (most often a hunting rifle), in isolated cases – with unregistered civilian firearms, service firearms, and military handguns.

There were 593 victims (on average 4.59 victims), with the majority of cases involving three deaths (53.2%). Over the time period studied, electronic media began to cover incidents with multiple victims significantly more often ($\chi^2=22.722$; $df=4$; $p<0.001$).

Таблица / Table 1

Случаи массовых стрельб и их жертв в России в 1991-2022 гг.
Mass shootings in Russia: Incidents and Victims, 1991-2022

Период (годы) Period (years)	Всего случаев массовой стрельбы Total of Mass shootings*	Жертвы Victims		Распределение случаев массовых стрельб с 3 и более жертвами Distribution of cases of mass shootings with 3 or more victims		
		Всего Total	M± σ ; диапазон Range (confidence interval, 95%)	3	4	≥ 5
1991-1999	12	102	8,5±7,8; 4-34 (3,52–13,48)	–	2	10
2000-2009	26 ⁷	112	4,3±1,72; 3-9 (3,61–4,99)	12	6	8
2010-2019	71 ²⁴	281	3,95±2,30; 3-20 (3,41–4,49)	47	8	16
2020-2022	20 ⁷	98	4,9±3,64; 3-18 (3,20–6,60)	10	5	5
Всего Total	129 ³⁸	593	4,59±3,60; 3-34 (3,97–5,21)	69 ^{53,5%}	21 ^{16,3%}	39 ^{30,2%}

Примечание: *Случаев самоубийств агрессора / Note: cases of suicide of the aggressor.

Поскольку существующие классификации МУ [9, 11, 20, 21] вызвали трудности в использовании их применительно к собранной нами выборке случаев, мы предлагаем свою рабочую типологию МУ, включающую:

- 1) корпоративные;
- 2) некорпоративные;
- 3) семейные и
- 4) смешанные МУ.

Поясним, что корпорация – это «объединённая группа, круг лиц одной профессии, одного сословия и т.п.»¹.

В *корпоративных МУ* у нас чётко просматриваются накопления случаев в трёх подгруппах: *МУ в силовых структурах* (вооружённые силы, правоохранительные органы, служба исполнения наказаний и др.), *МУ в учебных, образовательных и воспитательных учреждениях* (детский сад, школа, колледж, военное училище, ВУЗ) и *МУ в прочих организациях* (медицинских, религиозных, кредитно-финансовых).

К *некорпоративным МУ* нами отнесены случаи убийств стихийно (временно) возникших групп людей, которые не являлись «субъектом совместной деятельности» и/или родственниками (членами семьи по крови или законодательству) для агрессора. Они объединяли три подгруппы:

1. *Знакомых, друзей, соседей и др.* собравшихся (оказавшихся) вместе по какому-либо поводу (случайно) и/или демонстрирующие какие-то совместные действия.

2. *Незнакомых людей.*

3. *Знакомых и незнакомых для убийцы людей.*

Семейные МУ включали случаи убийств родных и близких (членов семьи), а также других кровных и некровных родственников.

К *смешанным (разноликим) МУ* относили случаи убийств людей из двух или трёх вышеперечисленных групп (корпоративных, некорпоративных, семейных) МУ. Этот тип МУ, естественно, отличается от некорпоративных МУ незнакомых (знакомых и незнакомых) людей.

Как видно из табл. 2, за последние 32 года достоверно увеличилось число некорпоративных МУ ($\chi^2=7,664$; $df=4$; $p=0,021$).

Больше всего жертв было в корпоративных МУ, особенно случившихся в академической среде ($13,3\pm 5,88$).

Since the existing classifications of MM [9, 11, 20, 21] caused difficulties in using them in relation to the sample of cases we collected, we propose our own working typology of MM including:

- 1) corporate;
- 2) non-corporate;
- 3) family and
- 4) mixed MM.

Let us clarify that a corporation is “a united group, a circle of people of the same profession, the same class, etc.”¹.

In *corporate MM* we can clearly see the accumulation of cases in three subgroups: *MM in law enforcement agencies* (armed forces, law enforcement agencies, penal service, etc.), *MM in educational, educational and educational institutions* (kindergarten, school, college, military school, university) and *MM in other organizations* (medical, religious, credit and financial).

We include cases of murders of spontaneously (temporarily) formed groups of people who were not “subjects of joint activity” and/or relatives (family members by blood or law) for the aggressor. They united three subgroups:

1. *Acquaintances, friends, neighbors and others* who have gathered (found themselves) together for some reason (by chance) and/or demonstrating some kind of joint actions.

2. *Strangers.*

3. *People familiar and unknown to the killer.*

Family murders included cases of murders of relatives and friends (family members), as well as other blood and non-blood relatives.

Mixed (*diverse*) *MM* included cases of murders of people from two or three of the above groups (corporate, non-corporate, family) MM. This type of MM naturally differs from non-corporate MM of strangers (acquaintances and strangers).

As can be seen from table. 2, over the past 32 years the number of non-corporate MM has significantly increased ($\chi^2 = 7.664$; $df=4$; $p=0.021$). The largest number of victims occurred in corporate MMs, especially those that occurred in an academic environment (13.3 ± 5.88).

¹Источник определений: "Oxford Languages". https://www.google.com/search?q=corporation+this&rlz=1C1NHXL_ru RU798RU798&oq=corporation&aqs=chrome

Таблица / Table 2

Типы массовых расстрелов в России в 1991-2022 гг.
Types of mass shootings in Russia in 1991-2022

Тип массовых расстрелов Type of mass shootings (MSH)	Всего Total, %	1991- 1999	2000- 2009	2010- 2019	2020- 2022	Среднее число жертв Victims on average
<i>Корпоративные, в т.ч.:</i> <i>Corporate MSH, including:</i>	40 ²⁹ (31,0)	11 ¹¹	13 ⁸	12 ⁷	4 ³	6,0±3,65 (3-18)
в силовых ведомствах <i>in law enforcement agencies (army, police, penitentiary)</i>	32 ²³	9 ⁹	13 ⁸	8 ⁵	2 ¹	5,2±2,10
в учебных, образовательных и воспитательных учреждениях <i>in educational and preschool institutions</i>	4 ⁴	1 ¹	–	1 ¹	2 ²	13,3±5,88
в прочих организациях <i>in other organizations (medical, religious, etc.)</i>	4 ²	1 ¹	–	3 ¹	–	5,0±2,44
<i>Некорпоративные, в группе:</i> <i>Non-corporated MSH, in group:</i>	44 ¹⁶ (34,1)	–	5 ²	30 ¹⁰	9 ⁴	3,7±1,21 (3-9)
знакомых, друзей, соседей <i>acquaintances, friends, neighbors</i>	30 ⁶	–	3	22 ⁶	5	3,3±0,69
незнакомых людей <i>strangers</i>	5 ⁶	–	–	4 ²	1 ⁴	4,2±1,16
знакомых и незнакомых людей <i>acquaintances and strangers</i>	9 ⁷	–	2 ²	4 ²	3 ³	4,8±1,74
<i>Семейные</i> <i>Family MSH</i>	28 ⁵ (21,7)	–	5 ²	20 ²	3 ¹	3,3±0,57 (3-5)
<i>Смешанные (разноликые)</i> <i>Mixed (diverse) MSH</i>	17 ¹⁰ (13,2)	1 ¹	3 ²	9 ⁵	4 ²	5,8±7,19 (3-34)
Всего <i>Total</i>	129 ⁶⁰ (100,0)	12 ¹²	26 ¹⁴	71 ²⁴	20 ¹⁰	4,6±3,60 (3-34)

Примечание: Здесь и далее надстрочная цифра указывает случаи МУ с 4 и более жертвами / Note: Here and further superscript number indicates MSH cases with 4 or more victims.

Структура МУ достоверно менялась ($\chi^2=35,904$; $df=9$; $p<0,001$). Особенно это было характерно для некорпоративных МУ ($\chi^2=11,924$; $df=3$; $p=0,007$), в частности, в группе знакомых ($\chi^2=8,048$; $df=3$; $p=0,045$).

Как видно из табл. 3, МУ достоверно различались по орудиям убийств ($\chi^2=99,072$; $df=9$; $p<0,001$). Корпоративные МУ выделяются использованием огнестрельного оружия ($\chi^2=35,904$; $df=9$; $p<0,001$), в том числе совершённые в силовых ведомствах ($\chi^2=79,949$; $df=1$; $p<0,001$) и учебных (воспитательных) заведениях ($\chi^2=6,691$; $df=1$; $p=0,009$). Некорпоративные МУ чаще совершались КРП ($\chi^2=8,504$; $df=1$; $p=0,003$) и прочими орудиями ($\chi^2=11,783$; $df=1$; $p<0,001$). Поджог чаще наблюдался при смешанных МУ ($\chi^2=4,736$; $df=1$; $p=0,029$); при семейных МУ различий между группами (в использовании орудий убийств) выявлено не было.

The structure of MM changed significantly ($\chi^2=35.904$; $df=9$; $p<0.001$). This was especially true for non-corporate MM ($\chi^2=11.924$; $df=3$; $p=0.007$), in particular, in the group of acquaintances ($\chi^2=8.048$; $df=3$; $p=0.045$).

As can be seen from table. 3, the type of MM differed significantly by murder weapon ($\chi^2=99.072$; $df=9$; $p<0.001$). Corporate murders are distinguished by the use of firearms ($\chi^2=35.904$; $df=9$; $p<0.001$), including those committed in law enforcement agencies ($\chi^2=79.949$; $df=1$; $p<0.001$) and educational institutions ($\chi^2=6.691$; $df=1$; $p=0.009$). Non-corporate MM was more often committed by PO ($\chi^2=8.504$; $df=1$; $p=0.003$) and other instruments ($\chi^2=11.783$; $df=1$; $p<0.001$).

Таблица / Table 3

Сопоставление массовых расстрелов с другими типами массовых убийств
Comparing mass shootings to other types of mass murders (MM)

Тип массовых расстрелов Type of mass shootings (MSH)	Всего Total, %	Огнестрельное оружие Firearms, %	КПП PO, %	Поджог Arson, %	Прочие Other, %
<i>Корпоративные, в т.ч.:</i> <i>Corporate MSH, including:</i>	43 (10,6)	37 (31,4)	2 (1,1)	1 (2,8)	3 (4,0)
в силовых ведомствах <i>in law enforcement agencies (army, police, etc.)</i>	32	31	—	—	1
в учебных, образовательных и воспитательных учреждениях <i>in educational and preschool institutions</i>	4	4	—	—	—
в прочих организациях <i>in other organizations (medical, religious, etc.)</i>	7	2	2	1	2
<i>Некорпоративные, в группе:</i> <i>Non-corporated MSH, in group:</i>	220 (54,1)	41 (34,7)	113 (63,8)	14 (38,9)	52 (69,3)
знакомых, друзей, соседей <i>acquaintances, friends, neighbors</i>	72	28	22	4	18
незнакомых людей <i>strangers</i>	23	5	10	1	7
знакомых и незнакомых людей <i>acquaintances and strangers</i>	125	8	81	9	27
<i>Семейные</i> <i>Family MSH</i>	105 (25,9)	24 (20,3)	52 (29,4)	14 (38,9)	15 (20,0)
<i>Смешанные (разноликие)</i> <i>Mixed (diverse) MSH</i>	38 (9,4)	16 (13,6)	10 (5,7)	7 (19,4)	5 (6,7)
Всего <i>Total</i>	406 ¹²¹ (100,0)	118 ⁵⁴ (100,0)	177 ³⁵ (100,0)	36 ¹⁷ (100,0)	75 ¹⁵ (100,0)
Среднее число жертв <i>Victims on average</i>	3,80±2,24 (3-34) ^{58CV}	4,6±3,71 (3-34) ^{37CV}	3,23±0,46 (3-5) ^{14CV}	4,02±1,6 (3-10)	3,76±1,36 (3-9) ^{7CV}

Примечание: ^{CV}– случаев самоубийств агрессора / *Note:* ^{CV}– cases of suicide by the aggressor.

Как видно из табл. 4, агрессоры МУ различались в группах по используемым орудиям убийств по большинству показателей, за исключением распространённости психических расстройств ($\chi^2=3,989$; $df=3$; $p=0,262$). Среди агрессоров, использующих огнестрельное оружие, было больше лиц в возрасте 19 лет и младше (20,3% vs 5,9%; $\chi^2=19,214$; $df=3$; $p<0,001$), они реже употребляли алкоголь (22,0% vs 56,3%; $\chi^2=39,413$; $df=3$; $p<0,001$), но чаще совершали самоубийств после МУ (31,4% vs 7,3%; $\chi^2=39,585$; $df=3$; $p<0,001$). Группа агрессоров, совершивших МУ с помощью поджога, отличались достоверно большим числом женщин (11,1% vs 1,3%; $\chi^2=7,370$; $df=1$; $p=0,006$), меньшим числом лиц с психическими расстройствами (2,8% vs 13,5%; $\chi^2=4,985$; $df=1$; $p=0,025$) и отсутствием самоубийств ($\chi^2=6,583$; $df=1$; $p=0,010$).

Arson was more often observed in mixed MM ($\chi^2=4.736$; $df=1$; $p=0.029$); in familial MM, no differences between groups (in the use of murder weapons) were identified.

As can be seen from table 4, MM aggressors differed in groups in the murder weapons used for most indicators, with the exception of the prevalence of mental disorders ($\chi^2=3.989$; $df=3$; $p=0.262$). Among the aggressors who used firearms, there were more people aged 19 years and younger (20.3% vs 5.9%; $\chi^2=19.214$; $df=3$; $p<0.001$), they were less likely to drink alcohol (22.0% vs 56.3%; $\chi^2=39.413$; $df=3$; $p<0.001$), but more often committed suicide after MM (31.4% vs 7.3%; $\chi^2=39.585$; $df=3$; $p<0.001$).

Таблица / Table 4

Показатели агрессоров МУ по группам используемых орудий убийств
Indicators of MM aggressors by groups of murder weapons used

Показатель агрессора МУ Characteristics of MM	Всего Total	Огнестрельное оружие Firearms	КПП Stabbings	Поджог Arson	Прочие Other
Возраст, M±SD, диапазон Age, M±SD, range	33,7±12,29 (15-71)	34,6±15,4 (16-70)	32,6±10,2 (15-59)	33,8±9,4 (19-57)	31,6±11,4 (16-71)
Женский пол Female	11	1	5	4	1
Возраст ≤19 лет Age ≤19 years	41	24	10	1	6
Опьянение (алкогольное, другое) Intoxication (alcoholic, other)	188	26	99	25	38
Психические расстройства Mental disorders	55	18	25	1	11
Самоубийство после МУ Suicide after MM	58	37	14	–	7

МУ очень редкое деяние – 0,2% в структуре всех убийств, совершаемых в США [11]; в пересчете на один млн населения оно составляет от 2,0 до 3,8 [20]. В США с 2014 по 2022 гг. произошло 4011 массовых расстрелов: от нуля – на Гавайях и в Северной Дакоте до 414 случаев – в Иллинойсе. За эти девять лет одна треть (27,3%) составляла массовые расстрелы, связанные с социальными проблемами, 15,8% – с преступностью, 11,1% – с домашним насилием, 1,4% – со школой или работой и 52,0% – с другими причинами. В среднем по всей стране (США) и округу Колумбия на штат приходилось 45 массовых расстрелов (в среднем 78,6); всего погибло или было ранено 21006 человек [3].

Для сравнения в Канаде массовые убийства с применением огнестрельного оружия составили 0,11 (95% ДИ – 0,08, 0,14) на один миллион жителей и 0,12 – не связанных с огнестрельным оружием (95% ДИ – 0,10, 0,15). Уровень смертности от огнестрельного оружия составил 0,39 (95% ДИ – 0,29, 0,49) на один миллион жителей и 0,47 – не связанных с огнестрельным оружием (95% ДИ – 0,34, 0,61) [6].

Анализ 171 МУ в 71 стране мира с 1966 по 2012 гг. показал, что в среднем на страну приходилось 1,7 публичных МУ. 31% было совершено в США, а 69% – в других странах. После США двузначные цифры МУ наблюдались на Филиппинах (18), в России (15), Йемене (11) и Франции (10) [22].

The group of aggressors who committed murder by arson was distinguished by a significantly larger number of women (11.1% vs 1.3%; $\chi^2=7.370$; $df=1$; $p=0.006$), a smaller number of people with mental disorders (2.8% vs 13.5%; $\chi^2=4.985$; $df=1$; $p=0.025$) and absence of suicide ($\chi^2=6.583$; $df=1$; $p=0.010$).

Murder is a very rare act – 0.2% of all murders committed in the USA [11]; in terms of one million population it ranges from 2.0 to 3.8 [20]. In the USA from 2014 to 2022. There were 4,011 mass shootings, ranging from zero in Hawaii and North Dakota to 414 in Illinois. During those nine years, one third (27.3%) were mass shootings related to social problems, 15.8% to crime, 11.1% to domestic violence, 1.4% to school or work, and 52.0% – with other reasons. On average, nationwide (US) and the District of Columbia there were 45 mass shootings per state (average 78.6). A total of 21,006 people were killed or injured [3].

For comparison, in Canada, MM for gun violence were 0.11 (95% CI – 0.08; 0.14) per million inhabitants and 0.12 for non-firearm violence (95% CI – 0.10; 0.15). The mortality rate from firearms was 0.39 (95% CI – 0.29; 0.49) per million inhabitants and 0.47 – not related to firearms (95% CI – 0.34; 0.61) [6].

Среди 400 убийств, совершённых в 82 регионах Российской Федерации в 2002-2023 гг. людьми с психическими расстройствами, МУ (от 3 до 9 жертв) встретились в 5% случаев (2,25%, если критерием МУ считать четыре жертвы и более) [23]. В Чувашии в 2011-2020 гг. было всего два случая (0,41%) из 488 убийств с тремя жертвами [24] и четыре случая (2,23%) из 179 убийств, совершённых больными шизофренией в течении 40 лет (1981-2020 гг.) [25].

Влияние психических расстройств на совершение массовых расстрелов является неоднозначным и спорным [10]. В литературе встречаются диаметрально противоположные точки зрения: МУ (массовые расстрелы) связаны с психическими расстройствами [22], тяжёлая (психотическая) психическая патология у преступников, использующих огнестрельное оружие, отсутствует [5, 21]. Между тем высокий уровень самоубийств у массовых убийц может достигать 45,6% [5]. В настоящем исследовании была подтверждена более частая встречаемость самоубийств после МУ, совершённых с помощью огнестрельного оружия, а фигуранты МУ в результате поджогов характеризовались лучшими показателями психического здоровья, включая отсутствие случаев самоубийств.

Предложенная нами типология массовых расстрелов (МУ) позволила выявить связи между типом МУ и использованием орудий МУ, закономерности с возрастом и полом преступников, алкогольным опьянением и суицидальным поведением. В России на долю МУ (по данным электронных СМИ) с использованием огнестрельного оружия приходится около 30%. Поэтому необходимо дальнейшее проведение исследований, направленных на изучение МУ с использованием КРП и поджогов. Эти виды (без огнестрельного оружия) МУ распространены в Китае [26, 27], Австралии [28], других странах Европы [1, 29, 30] и мира.

Известно, что уровень владения огнестрельным оружием – значимый предиктор распространения публичных массовых расстрелов по всему миру. Отрицательная биномиальная регрессия использовалась для проверки влияния уровня убийств, уровня самоубийств, уровня владения огнестрельным оружием и нескольких контрольных переменных на публичные массовые расстрелы в каждой из 71 страны мира с 1966 по 2012 гг. [22]. Глобальное распределение МУ (массовых расстрелов) в обще-

Analysis of 171 MMs in 71 countries from 1966 to 2012 showed that on average there were 1.7 public MMs per country. 31% were committed in the United States, and 69% in other countries. Besides the USA, high MM rates were observed in the Philippines (18), Russia (15), Yemen (11) and France (10) [22].

Among 400 murders committed in 82 regions of the Russian Federation in 2002-2023 by people with mental disorders, only 5% of them were MM (from 3 to 9 victims), or 2.25% if the MM criterion is four victims or more [23]. In Chuvashia in 2011-2020 there were only two cases (0.41%) of 488 murders with three victims [24] and four cases (2.23%) of 179 murders committed by patients with schizophrenia over 40 years (1981-2020) [25].

The influence of mental disorders on mass shootings is ambiguous and controversial [10]. There are diametrically opposite points of view in the literature: mass shootings (MSH) are associated with mental disorders [22], and there is no severe (psychotic) mental pathology in criminals who use firearms [5, 21]. Meanwhile, the high suicide rate of mass murderers can reach 45.6% [5]. The present study confirmed the increased incidence of suicide after MM committed with a firearm, and those involved in arson MM were characterized by better mental health indicators, including the absence of suicide attempts.

Our proposed typology of mass shootings (MSH) made it possible to identify connections between the type of MSH and the use of MSH weapons, patterns with the age and gender of the perpetrators, alcohol intoxication and suicidal behavior. In Russia, the share of MM (according to electronic media) using firearms accounts for about 30%. Therefore, further research is needed to study MM using PO and arson. These types of MM (with no use of firearms) are common in China [26, 27], Australia [28], other countries in Europe [1, 29, 30] and the world.

It is known that the level of firearm ownership is a significant predictor of the prevalence of public mass shootings around the world. Negative binomial regression was used to test the effects of homicide rates, suicide rates, firearm ownership rates,

ственных местах, по-видимому, частично объяснялось межнациональными различиями в доступности огнестрельного оружия, но не было связано с межнациональным уровнем убийств или самоубийств. США и другие страны с высоким уровнем владения огнестрельным оружием могут быть особенно восприимчивы к будущим публичным массовым расстрелам, даже если они являются относительно мирными, имеют хорошие показатели психического здоровья населения и другие высокие индексы уровня жизни [22].

В США более строгие законы в некоторых штатах об оружии отразились на уменьшении ежемесячного числа смертей от массовых расстрелов при сравнении 2019 и 2020 гг. На этом основании был сделан вывод, что законодательство, касающееся огнестрельного оружия, может, по крайней мере, хотя бы частично способствовать решению («ограничить ухудшение») этой существенной «американской проблемы» массовых расстрелов [31], во многих странах мира, включая Российскую Федерацию.

Заключение

Случаи МУ с использованием огнестрельного оружия в России чаще совершаются в силовых (военнослужащих) и учебных (воспитательных) корпорациях с самым большим числом жертв (от 3 до 18, в среднем – 6). Эти преступники реже, чем другие агрессоры находятся в состоянии опьянения, но чаще совершают самоубийства после МУ.

СМИ стали значительно чаще с 1991 по 2022 гг. освещать инциденты со множественными жертвами, что может свидетельствовать о росте числа МУ в России. Предложенная нами типология массовых расстрелов (МУ) является рабочей и в целом пригодной для практического применения.

and several control variables on public mass shootings in each of the world's 71 countries from 1966 to 2012 [22]. The global distribution of public mass shootings appeared to be partially explained by cross-national differences in the availability of firearms, but was not associated with cross-national homicide or suicide rates. The United States and other countries with high rates of gun ownership may be particularly susceptible to future public mass shootings, even if they are relatively peaceful and have good mental health and other high standard of living indices [22].

In the US, more strict gun laws in some states were associated with a decrease in the monthly number of deaths from mass shootings when comparing 2019 and 2020. On this basis, it was concluded that firearms legislation could at least partially contribute to solving (“limit the worsening”) of this significant “American problem” of mass shootings [31], in many countries around the world, including Russian Federation.

Conclusion

Cases of MM with the use of firearms in Russia are more often committed in security (paramilitary) and training (educational) corporations with the largest number of victims (from 3 to 18, on average – 6). They are less likely than other aggressors to be intoxicated, but more likely to commit suicide after MM. From 1991 to 2022 mass media began to cover incidents with multiple victims much more often, which may indicate an increase in the number of MM in Russia. The typology of mass shootings (MSH) we propose is working and suitable for practical use in general.

Литература / References:

- Anisin A. Comparing central and Eastern European mass shootings to American mass shootings. *Int. J. Comp. Appl. Crim. Justice.* 2023; 47 (4): 341-362. DOI: 10.1080/01924036.2022.2052127
- Silva J.R. Global mass shootings: comparing the United States against developed and developing countries. *Int. J. Comp. Appl. Crim. Justice.* 2023; 47 (4): 317-340. DOI: 10.1080/01924036.2022.2052126
- Barnard L.M., Wright-Kelly E., Brooks-Russell A., Betz M.E. Characterization of Mass Shootings by State, 2014-2022. *JAMA Netw. Open.* 2023 Jul. 3; 6 (7): e2325868. DOI: 10.1001/jamanetworkopen.2023.25868
- Hesson H.M., Shea E.A., Appelbaum P.S., Dishy G., Cohen-Romano C., Kennedy L., Bornico M., Lee K., Pia T., Syed F., Villalobos A., Lieberman J.A., Wall M.M., Brucato G., Girgis R.R. Victimology of Mass Shootings and Mass Murders Not Involving Firearms. *Violence Vict.* 2023; 38 (1): 15-24. DOI: 10.1891/VV-2022-0051
- Girgis R.R., Rogers R.T., Hesson H., Lieberman J.A., Appelbaum P.S., Brucato G. Mass murders involving firearms and other methods in school, college, and university settings: Findings from the Columbia Mass Murder Database. *J. Forensic Sci.* 2023; 68 (1): 207-211. DOI: 10.1111/1556-4029.15161
- Langmann C. Mass homicide by firearm in Canada: Effects of legislation. *PLoS One.* 2023; 18 (2): e0266579. DOI: 10.1371/journal.pone.0266579
- Lankford A. Mass shooters in the USA, 1966–2010: Differences between attackers who live and die. *Justice Quar-*

- terly, 2015; 32 (2): 360–379. DOI: 10.1080/07418825.2013.806675
8. Fowler K.A., Leavitt R.A., Betz C.J., Yuan K., Dahlberg L.L. Examining differences between mass, multiple, and single-victim homicides to inform prevention: findings from the National Violent Death Reporting System. *Inj. Epidemiol.* 2021. Aug. 9; 8 (1): 49. DOI: 10.1186/s40621-021-00345-7
 9. Fox J.A., Levin J. Mass Murder in America: Trends, Characteristics, Explanations, and Policy Response. *Homicide Studies* 2022; 26(1): 27–46. DOI: 10.1177/108876792111043803
 10. Brucato G., Appelbaum P.S., Hesson H., Shea E.A., Dishy G., Lee K., Pia T., Syed F., Villalobos A., Wall M.M., Lieberman J.A., Girgis R.R. Psychotic symptoms in mass shootings v. mass murders not involving firearms: findings from the Columbia mass murder database. *Psychol. Med.* 2021 Feb 17: 1-9. DOI: 10.1017/S0033291721000076
 11. Fridel E.E. A Multivariate Comparison of Family, Felony, and Public Mass Murders in the United States. *J. Interpers. Violence.* 2021; 36 (3-4): 1092-1118. DOI: 10.1177/0886260517739286
 12. Meloy J.R., Hempel A.G., Gray B.T., Mohandie K., Shiva A., Richards T.C. A comparative analysis of North American adolescent and adult mass murderers. *Behav. Sci. Law.* 2004; 22 (3): 291-309. DOI: 10.1002/bsl.586
 13. Gurian E.A. Offending, Adjudication, and Outcome Patterns of Solo Male, Solo Female, and Partnered Mass Murderers. *Int. J. Offender Ther. Comp. Criminol.* 2018; 62 (7): 1906-1924.
 14. Silva J.R. Advancing understanding of global mass murder: a comparison of public mass stabbings and shootings. *Homicide Studies.* 2023; 4: 1–20. DOI: 10.1177/10887679231189514
 15. Capellan J.A., Silva J., Mills C., Schmuhl M. Who lives, who dies, who decides: Differences between mass public shooters who survive, are killed, and commit suicide. *J. Investig. Psychol. Offender Profiling,* 2023; 20 (1): 80-96. DOI: 10.1002/jip.1608
 16. Волчещкая Т.С., Авакьян М.В., Осипова Е.В. Криминологическая характеристика и профилактика скулшутинга и кибербуллинга в России и зарубежных странах. *Всероссийский криминологический журнал.* 2021; 15 (5): 578–591. [Volchetskaya T.S., Avakyan M.V., Osipova E.V. Criminological characteristics and prevention of school shooting and cyberbullying in Russia and foreign countries. *All-Russian criminological journal.* 2021; 15 (5): 578–591.] (In Russ) DOI: 10.17150/2500-4255.2021.15(5).578-591
 17. Антонян Ю.М. Множественные убийства: природа и причины: монография. М.: Логос, 2012. 208 с. [Antonyan Yu.M. Multiple murders: nature and causes: monograph. Moscow: Logos, 2012. 208 p.] (In Russ)
 18. Голенков А.В., Зотов П.Б. Постгомицидные самоубийств: монография. Тюмень: Вектор-Бук, 2022. 424 с. [Golenkov A.V., Zotov P.B. Post-homicidal suicides: monograph. Tyumen: Vector-Buk, 2022. 424 p.] (In Russ)
 19. Голенков А.В., Идрисова М.Н., Чернова А.Ю., Иванова Д.Е. Массовые убийства в России. *Международный научно-исследовательский журнал.* 2023; 9 (135). [Golenkov A.V., Idrisova M.N., Chernova A.Yu., Ivanova D.E. Mass murders in Russia. *International Research Journal.* 2023; 9 (135).] (In Russ) DOI: 10.23670/IRJ.2023.135.67
 20. Knoll J.L. 4th. Mass murder: causes, classification, and prevention. *Psychiatr. Clin. North Am.* 2012; 35 (4): 757-780. DOI: 10.1016/j.psc.2012.08.001
 21. Auxemery Y. The mass murderer history: modern classifications, sociodemographic and psychopathological characteristics, suicidal dimensions, and media contagion of mass murders. *Compr. Psychiatry.* 2015 Jan; 56: 149-154. DOI: 10.1016/j.comppsy.2014.09.003
 22. Lankford A. Public Mass Shooters and Firearms: A Cross-National Study of 171 Countries. *Violence Vict.* 2016; 31 (2): 187-199. DOI: 10.1891/0886-6708.VV-D-15-00093
 23. Голенков А.В., Алексеева А.В. Убийства, совершенные людьми с психическими расстройствами в регионах России. *Психическое здоровье.* 2023; 18, 7: 4-10. [Golenkov A.V., Alekseeva A.V. Murders committed by people with mental disorders in Russian regions. *Mental health.* 2023; 18 (7): 4-10.] (In Russ) DOI: 10.25557/2074-014X.2023.07.4-10
 24. Голенков А.В. Психиатрические аспекты убийств в Чувашии (2011–2020 годы) [Электронный ресурс]. *Acta medica Eurasica.* 2023; 3: 16-23. URL: <https://actamedica-eurasica.ru/single/2023/3/2/>. [Golenkov A.V. Psychiatric aspects of murders in Chuvashia (2011–2020) (Electronic resource). *Acta medica Eurasica.* 2023; 3: 16-23. URL: <https://actamedica-eurasica.ru/single/2023/3/2/>] (In Russ) DOI: 10.47026/2413-4864-2023-3-16-23
 25. Golenkov A., Large M., Nielsen O., Tsymbalova A. Forty-year study of rates of homicide by people with schizophrenia and other homicides in the Chuvash Republic of the Russian Federation. *BJPpsych. Open.* 2022; 8: 1: A406. DOI: 10.1192/bjo.2021.1048.
 26. Hilal S.M., Densley J.A., Li S.D., Ma Y. The Routine of Mass Murder in China. *Homicide Studies,* 2014; 18 (1): 83-104. DOI: 10.1177/10887679135050926
 27. Amman M., Burnette A.G., Crowley B. A review of mass stabbing attacks between 2004 and 2017. *J. Threat Assessment and Management.* 2022; 9 (2): 111–128. DOI: 10.1037/TAM0000177
 28. Ferguson C., Doley R., Watt B., Lynham M., Payne J. Arson-associated homicide in Australia: A five year follow-up. *Trends and Issues in Crime and Criminal Justice,* 2015; 484: 1-11 (Australian Institute of Criminology, 2015: <https://www.aic.gov.au/sites/default/files/2020-05/tandi484.pdf>)
 29. Krüsselmann K., Aarten P., Liem M. Firearms and violence in Europe-A systematic review. *PLoS One.* 2021 Apr 14; 16 (4): e0248955. DOI: 10.1371/journal.pone.0248955
 30. Krüsselmann K., Aarten P., Granath S., Kivivuori J., Markwalder N., Suonpää K., Thomsen A.H., Walser S., Liem M. Firearm Homicides in Europe: A comparison with non-firearm homicides in five European countries. *Global Crime,* 2023. DOI: 10.1080/17440572.2023.2211513
 31. Donnelly M., Grigorian A., Inaba K., Nguyen N., de Virgilio C., Schubl S., Paladugu A., Swentek L., Nahmias J. Trends in mass shootings in the United States (2013-2021): A worsening American epidemic of death. *Am. J. Surg.* 2023 Aug; 226 (2): 197-201. DOI: 10.1016/j.amjsurg.2023.03.028

MASS MURDERS WITH GUN WEAPONS IN MODERN RUSSIA

A.V. Golenkov¹, P.B. Zotov²,
V.A. Kozlov¹, A.V. Filonenko^{1,3}

¹I.N. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russia; golenkovav@inbox.ru

²Tyumen State Medical University, Tyumen, Russia; note72@yandex.ru

³Republican Children's Clinical Hospital, Cheboksary, Russia; filonenko56@mail.ru

Abstract:

In the last 30 years, there has been increased interest in mass murders (with three or more victims) among a wide range of specialists in many countries of the world. *The aim is* to study MM with the use of firearms in the Russian Federation (RF) and compare various types of MM, including MM weapons with each other. *Materials and methods.* We analyzed 129 crimes (142 men, 1 woman) committed with the use of firearms in the Russian Federation in 1991-2022. The age of the killers ranged from 16 to 70 (mean age is 34.3 ± 15.1). Most of the cases of "mass shooting" were taken from https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_mass_shootings_in_Russia, as well as from electronic media of 59 regions of RF. The comparison groups included 288 cases of MM, 177 cases committed with piercing objects (PO), 36 cases of arson, and 75 other instruments, including a combination of these. The latter group also included 11 cases of the use of firearms in combination with PO (6), blunt weapons (2) and arson (3). Mathematical and statistical processing was carried out using descriptive statistics and χ^2 distribution. *Results.* Over the time period studied, electronic media began to cover incidents with multiple victims significantly more frequently. Approximately every fourth (24.8%) case out of 129 incidents occurred in security forces (armed forces, law enforcement agencies, penitentiary services) using a Kalashnikov assault rifle while on combat duty or guard duty. In most cases, murders were committed with civilian firearms (most often hunting rifles), in isolated cases – with unregistered civilian firearms, service firearms, and military handguns; seven cases occurred in groups of 2–4 people. There were 593 victims (on average 4.59 ± 3.6 victims), the majority of cases had three deaths (53.2%). In our proposed *working typology of MM*, we distinguish: *corporate MM* (in law enforcement agencies; in educational institutions; in other organizations), *non-corporate MM* (acquaintances, friends, neighbors, etc.; strangers; acquaintances and strangers), *family MM* (relatives and friends (family members), blood and non-blood relatives) and *mixed MM* (victims from two or three of the above groups). Corporate MM is distinguished by the use of firearms, most often committed in law enforcement agencies and educational institutions. The largest number of victims (6.0 ± 3.7) occurred in corporate MM, especially those that occurred in the academic environment 13.3 ± 5.9 victims). Non-corporate MM was more often committed by PO and other instruments. Among aggressors who used firearms, there were more people aged 19 and younger (20.3% vs 5.9% in the comparison group), they were less likely to drink alcohol (22.0% vs 56.3%) but more likely to commit suicides after MM (31.4% vs 7.3%). *Conclusion.* Cases of MM with the use of firearms in the Russian Federation were more often observed in security (paramilitary) and training (educational) corporations with the largest number of victims (from 3 to 18, on average – 6). They were less likely than other aggressors to be intoxicated, but more often committed suicide after MM. Media coverage increased significantly from 1991 to 2022 cover incidents with multiple victims, which may indicate an increase in the number of MM in Russia.

Key words: mass murders, typology of mass murders (executions), firearms, sharp objects, arson, suicides after mass murders, Russia

Вклад авторов:

A.B. Голенков: разработка дизайна исследования; написание текста рукописи; редактирование текста рукописи;

П.Б. Зотов: написание текста рукописи; редактирование текста рукописи;

В.А. Козлов: статистическая обработка результатов исследования; редактирование текста рукописи;

А.В. Филоненко: обзор и перевод публикаций по теме статьи; редактирование текста рукописи.

Authors' contributions:

A.V. Golenkov: developing the research design, article writing; article editing;

P.B. Zotov: article writing; article editing;

V.A. Kozlov: statistical processing of research results, editing of the manuscript text;

A.V. Filonenko: reviewing and translating relevant publications; editing of the manuscript text.

Финансирование: Данное исследование не имело финансовой поддержки.

Financing: The study was performed without external funding.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила / Article received: 27.08.2023. Принята к публикации / Accepted for publication: 30.09.2023.

Для цитирования: Голенков А.В., Зотов П.Б., Козлов В.А., Филоненко А.В. Массовые убийства с использованием огнестрельного оружия в современной России. Суицидология. 2023; 14 (3): 107-118. doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118

For citation: Golenkov A.V., Zotov P.B., Kozlov V.A., Filonenko A.V. Mass murders with gun weapons in modern Russia. *Suicidology*. 2023; 14 (3): 107-118. (In Russ / Engl) doi.org/10.32878/suiciderus.23-14-03(52)-107-118